

Олександр Безаров (Черновцы)

Еврейский вопрос в политике модернизации позднеимперской России¹

Стабилизация Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв., как известно, зависела от многих факторов, одним из которых была эффективная «национальная» (этноконфессиональная) политика самодержавия. Такая политика, по мнению современного российского историка Б. Н. Миронова, отвечала трём стратегиям национального развития России, а именно: имперской модернизации, национальной модернизации и стратегии консервативного развития, направленной на сохранение традиционного способа жизни, мышления и поведения. В любой из этих стратегий «еврей был кратким объяснением для всего того, что пришло из-за границы и принесло вред России»². Как писал американский исследователь Б. Натанс, особенностью политики в еврейском вопросе в позднеимперской России было то, что она, с одной стороны, позволяла евреям принимать самое активное участие в зарождавшемся гражданском обществе России, но с другой — обрекала еврейское население на «вопиющее неравенство». В результате, «царский режим потерял доверие к своей собственной политике»³. Самодержавие последних Романовых, по мнению Б. Натанса, в своих попытках решить еврейский вопрос опиралось на европейский опыт эмансипации евреев, но хронически опаздывало в своём стремлении предоставить евреям равноправие⁴. Такой же позиции придерживался немецкий историк Х.-Д. Лёве, который считал, что в условиях модернизации позднеимперской России эмансипация евреев была избирательной, то есть соответствовала логике места и времени проводимых «сверху» реформ⁵. В свою очередь, израильский историк Й. Френкель

¹ Статья подготовлена по материалам выступления автора на XXVII Международной ежегодной конференции по иудаике (Москва, Россия, 11–13 июля 2021 г.).

² Миронов Б. Н. *Управление этническим многообразием Российской империи*, Санкт-Петербург 2017, С. 250.

³ Натанс Б. *За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией*, Москва 2007, С. 423. Кроме указанных нами особенностей, автор отмечал о «призраке еврейского участия в революционном движении...», что, на наш взгляд, является не совсем корректной формулировкой, так как участие евреев в российском революционном движении, а в широком смысле — в революционном движении Российской империи — было не призраком, а вполне очевидным историческим фактом.

⁴ Натанс, *За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией*, С. 426–427.

⁵ Лёве Х.-Д. *От исправления к дискриминации: новые тенденции в государственной политике по отношению к евреям*

подчёркивал, что политика ускоренной модернизации, которая проводилась в Российской империи с 1855 г., «заставила выйти из укрытия многочисленные группы евреев, живших до тех пор в относительной изоляции по отношению к обществу», а собственно политика в еврейском вопросе в этот период отличалась своей «структурной двойственностью»⁶. Любопытную особенность еврейского вопроса в политике Российской империи отметил современный российский исследователь В. В. Энгель, который связывал усиление консервативных тенденций в политике Николая II относительно евреев с денонсацией администрацией США договора о торговле и мореплавании, заключённого с Российской империей ещё в 1832 г., как реакции американского правительства на преследование евреев в России⁷. По мнению В. В. Энгеля, российские власти заняли в вопросе о правовом статусе американских евреев в пределах империи бескомпромиссную позицию, изменение которой было возможно только в отдельных частных случаях, но не по общим принципиальным для самодержавия вопросам⁸.

Очевидно, что противоречивость политики самодержавия в еврейском вопросе в период модернизации империи была результатом не только известной предвзятости к евреям вообще со стороны Романовых, но и сложности определения характера модернизации России. С одной стороны, темпы экономического роста Российской империи были относительно высокими с точки зрения мировых стандартов на рубеже веков. Российская империя принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, таких как США, Япония и Швеция, а с 1880 г. промышленный рост России был самым быстрым в Европе. Реформы 1860-х гг. определили новую траекторию развития экономики, социальных трансформаций, то есть был заложен фундамент новой России, началась общая модернизация страны и экономический рост в современном понимании⁹. Но с другой, если сравнивать с темпами урбанизации в Западной Европе, то показатели Российской империи были весьма скромными, так как подавляющая часть её населения (крестьянство) находилась за пределами крупных индустриальных центров (Санкт-Петербург, Москва, Киев, Рига, Варшава) и была далека

(1881—1914) [в:] *История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи*, Т. 2, ред. И. Лурье, Москва 2012, С. 39.

⁶ Френкель Дж. *Российская империя и Советский союз* [в:] Э. Барнави, С. Фридендер. *Евреи и XX век: Аналитический словарь*, ред. Т. А. Баскаковой, Москва 2004, С. 505—506.

⁷ Энгель В. *Либеральные тенденции в еврейской политике самодержавия конца XIX — начала XX века*, «Вестник еврейского университета в Москве» 1994, № 7, С. 49—63. Разделяя в общем и целом выводы автора, мы, тем не менее, не согласны с его определением «национальной политики русского царизма» (так как сомневаемся в том, что такая политика вообще была у самодержавия), а также с авторским сравнением евреев с кочевниками, как с «народами второй категории» (С. 50).

⁸ Энгель В. В. *«Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях (На примере «паспортного» вопроса. 1864—1913)*, Москва 1998, С. 22.

⁹ Мошенский С. З. *Рынок ценных бумаг Российской империи*, Москва 2014, С. 80, 146.

от процессов модернизации (развития машинного производства, городской инфраструктуры, коммуникаций, доступности средств массовой информации, университетского образования, общественно-политической деятельности и т. д.).

Факторы модернизации в российском обществе имели ограниченное влияние, поскольку его образованная прослойка (интеллигенция и дворянство) была небольшой, но именно её лидеры определяли политическую повестку в стране. Невысокой была доля общественности, то есть представителей всех сословий, получивших право участвовать в выборах земств и городских дум, а с 1906 г. — в выборах Государственной думы. Так, например, в конце XIX в. численность общественности составляла около 7 % от всего населения империи¹⁰. Бурное экономическое развитие Российской империи происходило за счёт притока иностранных инвестиций, ставшего возможным благодаря последовательной политике С. Ю. Витте на посту министра финансов (1892—1903 года), который, как известно, был сторонником привлечения иностранных капиталов и одного из основных инициаторов экономической модернизации (политики «насаждения промышленности») России. Тем не менее, как справедливо заметил Б. Н. Миронов, «политическая модернизация России в период империи не завершилась: общество и государство не приобрели способность разрешать любые проблемы мирным путём, находить консенсус с помощью компромисса и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни»¹¹. С другой стороны, до 1861 г. сила имперской администрации росла, а после Великих реформ — снижалась. Следовательно, усиление революционного, общественного и национального движений привело к обострению кризиса самодержавного правления в России, на фоне которого политика модернизации вообще, а в еврейском вопросе в частности, как нам кажется, была не столь однозначной.

Известно, что еврейский вопрос был актуальной проблемой на всех стадиях политики модернизации и решался в соответствии с теми целями и задачами, которые ставили перед собой правительства Александра II, Александра III и Николая II.

Так, если на первом этапе (период Великих реформ), когда «этническая иерархия» народов Российской империи определялась сквозь призму их политической лояльности режиму, еврейский вопрос рассматривался в позитивном смысле. И наоборот, на втором и третьем этапах (после 1881 г.) модернизации, в условиях, когда политика имперского национализма Романовых, по мнению Б. Н. Миронова, преследовала цель достижения «последовательной интеграции всех частей

¹⁰ Миронов Б. Н. *Развитие гражданского общества в России в XIX — начале XX века*, «Общественные науки и современность» 2009, № 1, С. 113.

¹¹ Там же, С. 125.

империи в целостное национальное государство»¹², проблема российских евреев рассматривалась в контексте консервативного проекта, то есть в негативном для евреев значении.

Но в целом, политика модернизации в период правления Александра II была успешной. Например, представители русско-еврейской интеллигенции получили возможность не только свободно выражать свои политические взгляды, но и в определённой степени бороться за права всех российских евреев. Однако такая политика была непоследовательной, поскольку не всегда учитывала объективные факторы развития Российской империи во второй половине XIX века. Соответственно, это отразилось на попытках Александра II урегулировать еврейский вопрос взаимоисключающими методами гражданской эмансипации и социально-экономической сегрегации еврейского населения. Такие противоречия, естественно, стали одной из причин революционной активности евреев, первой волны еврейских погромов и, наконец, вынудили правительство пересмотреть свою идеологию умеренного либерализма в еврейском вопросе. В этой связи нам сложно согласиться с утверждением В. В. Энгеля о том, что в конце 1890-х гг. в «еврейской политике» самодержавия наметился некий консенсус по поводу урегулирования проблемы российских евреев, а с 1897 г. большинство правительственных решений относительно евреев оказывалось в пользу последних¹³. Наоборот, на этапе «защитной модернизации» в конце XIX в. еврейский вопрос рассматривался с точки зрения государственного антисемитизма.

Например, министр финансов С. Ю. Витте во время реализации «винной монополии» в 1894 г., ловко использовал антисемитские настроения в высших эшелонах власти для лоббирования своего проекта реформы налогообложения¹⁴. В частности, зная о том, что Александр III, мягко говоря, не симпатизировал евреям, С. Ю. Витте в своём всеподданнейшем докладе 11 июля т. г. подчёркивал, что «устранение одного из самых вредных видов эксплуатации коренного населения со стороны чуждой еврейской национальности (то есть шинкарства. — Прим. авт.) является весьма важным политическим вопросом...»¹⁵. Известный реформатор связывал необходимость немедленного введения государственной монополии на продажу спиртных напитков с «целью освобождения местного христианского населения из-под еврейской зависимости: и чем скорее будет устроена казённая продажа питей, тем больше выиграет население»¹⁶. В результате царь

¹² Миронов, *Управление этническим многообразием Российской империи*, С. 336.

¹³ Энгель, *Либеральные тенденции в еврейской политике самодержавия конца XIX — начала XX века*, С. 52.

¹⁴ *Еврейский вопрос при введении питейной монополии. Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте (1894)*, «Еврейская старина» 1915, № 3—4, С. 405—410.

¹⁵ Там же, С. 409.

¹⁶ Там же.

согласился с подобной аргументацией своего министра и в августе 1894 г. вопрос о введении «винной монополии» в губерниях черты оседлости был решён.

Однако С. Ю. Витте, который удачно спекулировал на антисемитских настроениях Романовых, придерживался противоположных взглядов в своей политике. Прежде всего, как нам кажется, он ценил личные качества своих деловых партнёров и подчиненных, естественно, при условии, что их деятельность не противоречила государственным интересам России и соответствовала его планам реформирования страны. Так, например, официальным представителем министерства финансов в Париже был назначен влиятельный еврейский банкир из Одессы А. Г. Рафалович, который занимался вопросами размещения российских государственных займов за рубежом, а, по сути, проблемой урегулирования отношений с Ротшильдами, которые, по словам, самого С. Ю. Витте, не хотели делать бизнес в России из-за еврейского вопроса. Он был совершенно прав, ведь именно об этом предупреждал его предшественник на посту министра финансов Н. Х. Бунге министра внутренних дел Н. П. Игнатъева, автора «Временных правил о евреях» от 3 мая 1882 года. В частности, Н. Х. Бунге в своём письме 5 мая 1882 г. отмечал, что «Ротшильд объявил недавно во всеуслышание, что он не покапает русских государственных бумаг; такие слова Ротшильда имеют на всех европейских биржах чрезвычайный вес, и последствием их был необыкновенный упадок как бумаг наших, так и самого курса <...> От государственных финансов и от неразрывно связанного с ними государственного кредита зависит благосостояние страны и её величие. Потребности наши весьма велики. Нам нужны средства для внутреннего развития сравнительно молодой ещё России, нуждающейся и в просвещении, и в путях сообщения, и правильно устроенной юстиции, и в хорошо оплачиваемых должностных лицах по другим отраслям управления. На всё это нужны большие деньги...»¹⁷. Вместо того, заключал Н. Х. Бунге, чтобы двигаться в заданном направлении, правительство стесняет «многомиллионное еврейское население», что несомненно приведёт к «чрезвычайным замешательствам в экономическом нашем быту»¹⁸.

После известного «московского изгнания» евреев 1892 г., согласно указа Александра III от 28 марта 1891 г., Ротшильды мгновенно охладели к проектам по финансированию строительства Транссиба и добычи нефти в Бакинском районе. В начале мая 1891 г. произошёл обвал цен на российские акции на Парижской фондовой бирже, а в 1894 г. состоялся разговор Александра III и С. Ю. Витте о необходимости помириться с Ротшильдами. Но если С. Ю. Витте интересовали

¹⁷ Ананьич Б. В. *Банкирские дома в России, 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства*, Москва 2006, С. 91.

¹⁸ Там же, С. 92.

перспективы размещения внешних займов, столь необходимых для экономической модернизации страны, то император был обеспокоен тем обстоятельством, что Ротшильды якобы финансировали революционное движение в России, и что, мол, в переговорах с ними можно достичь определённого компромисса в этом вопросе¹⁹. О финансировании Ротшильдами революционного движения в Российской империи, на наш взгляд, мало что известно, но то, что деньги для российских революционеров поступали из американских источников, в частности, из банковской конторы немецкого еврея Я. Шиффа в Нью-Йорке, у современных исследователей, по-видимому, сомнений не вызывает²⁰.

В целом, миссия А. Г. Рафаловича оказалась удачной. В 1894—1895 гг. на Парижской бирже через группу Ротшильдов был размещён крупный русский заем в 200 млн. руб. под 3,5 % годовых. В конце августа 1905 г. на переговорах С. Ю. Витте с Дж. П. Морганом рассматривалась инициатива российской стороны разместить в США русский заем на сумму в 400 млн. долл. (1 млрд. руб.). Однако группа еврейских банкиров США во главе с Я. Шиффом, по сути, заблокировала этот проект из-за обострения еврейского вопроса в России. С. Ю. Витте был явно раздражён столь решительной позицией американских инвесторов в еврейском вопросе и посоветовал им не вмешиваться во внутренние дела России. На это Я. Шифф резко заметил, что «если царь не желает дать своему народу свободу, в таком случае революция выдвинет республику, при помощи которой права будут получены»²¹. На заключительной стадии переговоров с американскими банкирами 30 августа 1905 г. С. Ю. Витте несколько смягчил своё отношение к их требованиям, однако призвал российских евреев к осторожности на пути к равноправию²². Любопытно, что дискуссия по поводу еврейского вопроса принесла С. Ю. Витте неожиданный успех в том смысле, что американские банкиры, во всяком случае, отказались предоставлять новый кредит Японии, которая исчерпала к тому времени свои финансовые ресурсы в войне против России²³.

Вторым «я» российского реформатора был известный еврейский предприниматель, глава Петербургского международного коммерческого банка (ПМКБ) А. Ю. Ротштейн. С. Ю. Витте и его предшественник на посту министра финансов И. А. Вышнеградский опирались на знания и опыт А. Ю. Ротштейна при проведении важнейших финансовых проектов российского правительства. Стратегия

¹⁹ Мошенский, *Рынок ценных бумаг Российской империи*, С. 128.

²⁰ Миндлин А. *Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века*, «Вестник еврейского университета в Москве» 1996, № 2, С. 83—84.

²¹ Миндлин А. Б. *Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762—1917 годы: справочник персоналий*, Санкт-Петербург 2007, С. 87.

²² Витте С. Ю. *Избранные воспоминания, 1849—1911*, Москва 1991, С. 492.

²³ Миндлин, *Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века*, С. 89.

А. Ю. Ротштейна заключалась, помимо прочего, в стремлении использовать информацию из правительственных кругов, чтобы выйти на правительство раньше конкурентов и заручиться государственными гарантиями по проводимой операции. Это превратило ПМКБ на ведущий банк Российской империи в сфере промышленных инвестиций. Другом и деловым партнёром А. Ю. Ротштейна был московский финансист Е. М. Эпштейн, который в 1890-х гг. служил в банкирском доме «Братья Джамгаровы», основанного в 1878 г. жителями Бакинской губернии Исааком Исааковичем и Иваном Исааковичем Джамгаровыми. Е. М. Эпштейн в 1910 г. стал одним из руководителей Азовско-Донского коммерческого банка (АДКБ), основанного в 1871 г. группой петербургских и южно-российских предпринимателей греческого и еврейского происхождения, специализировавшихся на внешнеторговых операциях. В 1912 г. АДКБ и ПМКБ стали партнёрами во многих коммерческих проектах²⁴.

Несмотря на то, что деятельность еврейских купцов и банкиров в Российской империи была легализована ещё во эпоху Александра II, а российское правительство в общем было лояльным по вопросам организации и ведения еврейскими бизнесом в России, предубеждения на национальной почве всё же давали о себе знать. Например, дворянское собрание Смоленской губернии отказало А. Ю. Ротштейну в его просьбе вписать его имя в Золотую книгу дворян из-за его национальности. Тот факт, что известный банкир был крупным смоленским землевладельцем и российско-поданным местных дворян не смутил. Только после личного вмешательства Николая II Сенат удовлетворил просьбу А. Ю. Ротштейна²⁵. Меньше повезло Г. Гинцбургу, банкирскому дому которого министр финансов И. А. Вышнеградский отказал в государственной поддержке во время кризиса начала 1890-х гг., после того, как влиятельный русско-еврейский предприниматель и общественный деятель не захотел помочь в урегулировании отношений российского правительства с Ротшильдами²⁶. Также известно о личной, окрашенной антисемитскими чувствами, неприязни Николая II к семейству Поляковых. Когда самый богатый из братьев, влиятельный московский банкир Л. С. Поляков в 1901 г. пострадал от финансового кризиса и фактически стал банкротом, а судьба его финансовой империи решалась на высоком правительственном уровне, С. Ю. Вигте оказался беспомощным что-либо сделать для спасения активов Л. С. Полякова. Очевидно, заметил по этому поводу известный российский историк Б. В. Ананьич, что в крушении крупного банкирского дома и самого

²⁴ Саломатина С. А. *Е. М. Эпштейн и его книга о российских дореволюционных банках*, [в:] *Эпштейн Е. М. Российские коммерческие банки (1864—1914). Роль в экономическом развитии России и их национализация*, ред. М. А. Елистратов, С. А. Саломатина, Москва 2011, С. 11—33.

²⁵ Мошенский, *Рынок ценных бумаг Российской империи*, С. 123.

²⁶ Ананьич, *Банкирские дома в России, 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства*, С. 58.

Л. С. Полякова ключевую роль сыграли антисемитские взгляды царя, который решил таким образом избавить Москву «от еврейского гнезда», что, впрочем, не помешало Николаю II возвести несколькими годами ранее внука Я. С. Полякова В. Л. Полякова в потомственное дворянство²⁷.

Вообще, если проанализировать место и роль представителей известных династий Гинцбургов, Бродских, Поляковых, Варшавских, Рафаловичей и многих других русско-еврейских предпринимателей в процессах модернизации Российской империи, то их значение будет сложно переоценить. Например, именно банкирский дом Гинцбургов обеспечивал размещение иностранных и русских займов, служил важным, а возможно и единственным, каналом для связей с иностранными денежными рынками и банками, способствовал регулированию денежного обращения в стране. Гинцбурги были тесно связаны с Госбанком, финансировавшим предпринимательскую деятельность банкиров в золотопромышленности. В конечном итоге эти операции оказались выгодными правительству, так как принесли Госбанку около 3 млн. прибыли, а золото, добытое на приисках, поступало на монетный двор и обеспечивало систему денежного обращения²⁸. Д. Гинцбург был активным участником «Кружка равноправия и братства», основателями которого, осенью 1905 г., была известная своими либеральными взглядами, столичная интеллигенция (И. И. Толстой, Ю. Н. Милютин, Э. Э. Ухтомский, Э. Л. Радлов и даже обер-прокурор Синода А. Д. Оболенский)²⁹.

Политика модернизации, как известно, оказалась особенно успешной в Царстве Польском³⁰. Например, только в период 1871–1887 гг. тут появилось 26 новых периодических изданий на польском языке с разной политической ориентацией, в том числе антисемитской³¹. Российское правительство уже в начале 1890-х гг. было обеспокоено ускоренными темпами модернизации, которой, по мнению российских чиновников, воспользовалась определённая часть многочисленного еврейского населения Польши для собственного обогащения, особенно после 1862 г., когда польские евреи получили равноправие. Наиболее крупные средства еврейской буржуазии Царства Польского были представлены в Коммерческом и Учётном банке в Варшаве с уставным капиталом в 856 млн. руб., а также в филиалах АДКБ в Варшаве и Лодзи³². Соответственно в Петербурге внимательно прислушивались к той антисемитской риторике, которая всё чаще стала появляется

²⁷ Там же, С. 130, 140.

²⁸ Там же, С. 85.

²⁹ Там же, С. 86–88.

³⁰ Зашкільняк Л. О., Крикун М. Г. *Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів*, Львів 2002, С. 358–364.

³¹ *Евреи в Привислинском крае. Характеристика их деятельности среди христианского населения этого края*, Санкт-Петербург 1892, С. 121–139.

³² Там же, С. 25.

на страницах польской прессы³³. Любопытно, что российские власти в своей критике «еврейской эксплуатации» христианского населения Польши, тем не менее, подчёркивали «эластичность и важность для христиан» ростовщического капитала евреев³⁴.

Еврейские погромы в начале XX в. привели к новому витку обострения еврейского вопроса во внутренней и внешней политике самодержавия, к усилению национального и революционного движения российских евреев. Робкие попытки С. Ю. Витте, В. Н. Коковцева и П. А. Столыпина урегулировать еврейский вопрос путём предоставления евреям равноправия не увенчались успехом. Более того, после резонансного еврейского погрома в Кишинёве в 1903 г. целый ряд крупных американских и английских банков начали финансировать Японию в ходе её подготовки к войне против Российской империи, а реакция демократической общественности на кишинёвскую резню евреев как внутри страны, так и далеко за её пределами заставила министра внутренних дел В. К. Плеве пойти на некоторые уступки в еврейском вопросе³⁵.

В результате Первой русской революции 1905—1907 гг. евреи получили политические права. Так, на Петергофском совещании весной 1905 г. по поводу созыва «Булыгинской думы», В. Н. Коковцов заметил, что лишение евреев избирательных прав «являлось бы едва ли оправдываемой по отношению к ним несправедливостью»³⁶. Николай II поддержал мнение своего министра финансов, и евреи получили право выбирать депутатов в Думу даже не имея при этом свободного права жительства в империи. Об этом политическом парадоксе метко выразился известный русско-еврейский общественный деятель и адвокат Г. Б. Слиозберг, который называя политику в еврейском вопросе несправедливой, был вынужден согласиться с тем, что другая несправедливость всё же не оказалась болезненней первой...³⁷.

Революционные изменения в стране ослабили консервативные тенденции в сфере образования, а проблема процентной нормы для еврейских учеников и студентов в российских учебных заведениях оказалась объектом внутриправительственных противоречий³⁸. В 1907—1908 гг. процентная норма для поступления еврейских абитуриентов в российские университеты и институты

³³ Krzywiec G. *Gangrena, czyli kto nam duszę zezspecił. Obraz żydów w prasie ziemiańskiej końca wieku*, «Kwartanik Historii Żydów», 2002, № 1 (201), С. 37—48.

³⁴ *Евреи в Привислинском крае. Характеристика их деятельности среди христианского населения этого края*, С. 32.

³⁵ Миндлин, *Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762—1917 годы: справочник персоналий*, С. 287.

³⁶ Там же С. 164.

³⁷ Там же.

³⁸ Иванов А. Е. *Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования*, Москва 2007, С. 68.

фактически была упразднена, то есть, по сути, она регулировалась на местном уровне в пользу евреев. Сверх установленной нормы евреев принимали практически во всех крупных университетах Российской империи. В результате, количество «лиц иудейского исповедания» в государственной школе в 1908 г. увеличилось по сравнению с дореволюционными годами почти вдвое и составило 12 % всех российских студентов³⁹. Соответственно либерализация правительственной политики в сфере государственного образования евреев вызвало острую критику со стороны русских националистов, которые не только обвиняли правительство в лицемерии и продажности, ни и возлагали на него политическую ответственность за «бунт еврейской молодёжи, в котором русская молодёжь сыграла роль глупого теста...»⁴⁰. 16 сентября 1908 г. правительство восстановило принципы нормирования приёма евреев в высшие государственные учебные заведения (3 % для столиц, 5 % для прочих городов вне черты оседлости и 10 % — внутри неё) и попыталось ужесточить контроль за их соблюдением. В 1916 г. с этой целью были даже предприняты попытки внедрить процентную норму для частных учебных заведений, что противоречило закону от 1 июля 1914 г. о неправительственной высшей школе⁴¹. Общее количество еврейских студентов в университетах после 1908 г., как отмечал современный российский исследователь А. Е. Иванов, сократилось до 6 — 8 % от всего студенческого контингента страны⁴². Однако, на наш взгляд, правительство уже было не в состоянии подавить желание еврейской молодёжи получать высшее, особенно инженерное, образование в российских вузах. Модернизация требовала высокообразованных специалистов для промышленности и финансовой системы страны, а найти достойную альтернативу талантливой еврейской молодёжи, которая искала любую возможность, чтобы вырваться из удушающей её социальной атмосферы местечка, было непросто.

Нерешенный еврейский вопрос оказался болезненным как для евреев, так и для царского правительства, остро нуждавшегося не только в квалифицированных кадрах, но и во внешних займах, особенно после неудачной войны с Японией в 1905 году. Благодаря авторитету С. Ю. Витте в международных финансовых кругах и дипломатической игре на противоречиях в немецко-французских отношениях (Марокканский кризис), Россия получила в конце 1905 г. французский кредит на сумму в 267 млн. франков (100 млн. руб.). Но для правительства Николая II этого было явно недостаточно. Западноевропейские банкиры были

³⁹ Там же, с. 67.

⁴⁰ Меньшиков, *Письма к русской нации*, ред. М. Б. Смолин, Москва 1999, С. 149.

⁴¹ Иванов, *Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования*, С. 75.

⁴² Там же, С. 73—74.

готовы увеличить сумму кредитования российской экономики, но при условии урегулирования еврейского вопроса в России, прекращения погромной кампании. В. Н. Коковцов 28 июля 1906 г. выразился по поводу озабоченности французских банкиров еврейским вопросом в России в том смысле, что даже либерализация экономической деятельности евреев в Российской империи не сможет превратить всех еврейских революционеров в консерваторов. В частности, в своём ответном письме главе Русского банковского синдиката в Париже Э. Нецлину, министр финансов отмечал, что «едва ли одним неполноправным положением евреев может быть объяснено их выдающееся участие в революционном движении и нахождение во главе всех революционных организаций и противоправительственных начинаний»⁴³. Еврейская эксплуатация, по его мнению, была не мифической, а вполне реальной угрозой русскому крестьянству в условиях коммерциализации аграрных отношений в стране. Тем не менее В. Н. Коковцов выступал за отмену ограничений для евреев в области торговли, промыслов, участия в акционерных обществах, Временных правил от 3 мая 1882 г., то есть был сторонником политики широкой эмансипации российских евреев⁴⁴.

Как известно, 24 августа 1906 г. П. А. Столыпин представил программу своего правительства, в которой, в частности, предполагалось пересмотреть еврейский вопрос в позитивном для евреев ракурсе, то есть возобновить политику либерализации правового положения еврейского населения, прекратить погромы. В начале октября т. г. премьер-министр поднял вопрос об отмене ряда ограничений прав евреев и добился мнения большинства правительства. Так, согласно этому законопроекту, существенно смягчались нормы Временных правил о евреях от 3 мая 1882 г. (евреям разрешалось приобретать недвижимость в сельской местности, жить и торговать там, быть членами акционерных обществ и т. д.). Однако П. А. Столыпин сомневался в том, следовало бы его издавать по 87-й ст. Основных государственных законов (утвердить законопроект Указом императора) или внести на рассмотрение Государственной Думы нового созыва. Принять решение должен был сам царь. П. А. Столыпин ожидал положительную резолюцию, тем более, что правительственная программа от 24 августа 1906 г. получила «высочайшее одобрение». Однако 10 декабря т. г. Николай II вернул журнал заседаний правительства по еврейскому вопросу не утверждённым и при этом заметил, что «несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос всё настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда не обманывал меня. Поэтому и в данном случае я намерен следовать её

⁴³ *Переписка В. Н. Коковцова с Э. Нецлиным*, «Красный архив», 1928, Т. 29 (4), С. 134.

⁴⁴ Там же, С. 135.

влияния»⁴⁵. Тем не менее известный реформатор настаивал на немедленном урегулировании еврейского вопроса. В тот же день П. А. Столыпин ответил императору и попросил у него срочной аудиенции. Премьер-министр подчеркивал, что еврейский вопрос был поднят им потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного Манифестом 17 октября, евреи имели законные основания требовать полного равноправия: «...я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений»⁴⁶. Однако П. А. Столыпин колебался. Как нам кажется, вряд ли он был готовым, в условиях усиления общественного и политического антисемитизма в стране, рисковать ради евреев своим авторитетом сильного и бескомпромиссного премьер-министра. Очевидно, что царь был того же мнения, а потому законопроект отклонили.

Наконец на фоне дерзкого покушения на П. А. Столыпина в 1911 г. в центре Киева, совершённого не вполне адекватным русско-еврейским анархистом В. Д. Богровым⁴⁷, надежды на урегулирование еврейского вопроса в Российской империи окончательно рухнули. На страницах правоконсервативных изданий вновь заговорили о «еврейской угрозе» для России. «Мы находимся в любопытном положении «завоевателей, завоёванных завоевателями» и ими же поработёнными», — писал русский националист И. П. Балашев по поводу убийства премьер-министра⁴⁸. «Мы видим, — продолжал он, — что гнусная, затеянная еврейским кагалом «революция» была поражена не столько штыком верного русского солдата, сколько раздавлена пятой русского народа, но, к сожалению, мы остановились на пол пути и в последнее время еврейство стало снова поднимать голову, а мы — как будто отступать перед ним...»⁴⁹.

С другой стороны, откат правительственной политики в еврейском вопросе на консервативные позиции стал реакцией российских властей на обострение российско-американских отношений по поводу денонсации администрацией США договора о торговле и мореплавании. Согласно первой статьи «Трактата о торговле и мореплавании», заключённого между Российской империей и США 18 декабря 1832 г., российские подданные и американские граждане могли останавливаться и проживать на территории обоих государств. Интерпретация этой статьи была различной. Российская сторона приравнивала правовой статус американских евреев к статусу евреев — подданных империи, то есть не считала первых

⁴⁵ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина, «Красный архив», 1924, т. 5, с. 105.

⁴⁶ Там же, с. 106.

⁴⁷ Безаров О. До питання про мотиви вбивства П. А. Столыпина, «Науковий вісник Чернівецького університету імені Юрія Федьковича: Історія», 2018, № 2, с. 111–121.

⁴⁸ Балашев И. П. О национализме вообще и в частности о русском, Москва 1911, с. 18.

⁴⁹ Там же, с. 27.

равноправными гражданами США, на которых распространялись привилегии договора. Иностранцы евреи, за исключением банкиров и крупных предпринимателей, для посещения Российской империи должны были получать разрешение Министерства внутренних дел⁵⁰. Интересно заметить, что русские дипломаты попытались убедить своих заокеанских коллег в том, что антиеврейские ограничения, существовавшие в России, носили не религиозный, а национальный характер, так как Конституция США формально не запрещала расовую дискриминацию. Однако в 1901 г. Госдепартаментом США евреи впервые были названы «расой» в отношении натурализованных американских граждан, бывших поданных Российской империи, что в определённой степени свидетельствовало о косвенном признании американской администрацией этнического антисемитизма в Российской империи⁵¹. В 1911 г. в США была развернута широкая пропагандистская кампания за расторжение договора, в которой активное участие принимал Я. Шифф. Американская сторона подчёркивала оскорбительность дискриминационных мер в отношении американских граждан по национальному признаку и потребовала от российского правительства пересмотра первой статьи договора. Однако российская сторона оставалась непреклонной в этом вопросе, и президент США В. Тафт 17 декабря 1911 г. денонсировал договор⁵².

Внешнеполитическое ведомство Российской империи рассматривало факт денонсации российско-американского договора как результат «еврейской агитации» и деятельности политических противников президента В. Тафта в проведении предстоявших выборов 1912 г., как проявление «примитивного сознания американцев...», а не как закономерное завершение объективных процессов, происходивших длительное время в США⁵³. По мнению В. В. Энгеля, перспективы российско-американской торговли, престиж России царское правительство не волновали. Впрочем, уже в конце 1911 г. представители русской буржуазии обрушились с резкой критикой в адрес российского правительства, которое в ответ на денонсацию договора решило повысить пошлину на ввозимые в страну американские товары. В результате волна антиамериканизма уступила место более «безопасной» антисемитской риторике, во многом инспирированной противниками «еврейской политики» правительства⁵⁴. Вообще, как верно заметил В. В. Энгель, положение иностранных евреев в Российской империи всегда зависело от положения евреев — российских поданных, но реформа внутреннего

⁵⁰ Миндлин, *Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века*, С. 85.

⁵¹ Энгель, «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях (На примере «паспортного» вопроса. 1864—1913), С. 27.

⁵² Миндлин, *Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX века*, С. 96.

⁵³ Энгель, *Либеральные тенденции в еврейской политике самодержавия конца XIX — начала XX века*, С. 56.

⁵⁴ Там же, с. 58—60.

антиеврейского законодательства носила исключительно прагматический характер и «ни в коей мере не свидетельствовала об изменившемся подходе царского правительства к правам человека вообще и к правам еврейского населения в частности»⁵⁵.

Собственно, последний тезис автора указывал на главное противоречие в политике самодержавия в еврейском вопросе, так как проект модернизации предполагал создание национального государства и демократических институтов власти, что естественно обрекало империю Романовых на неминуемую гибель. Поскольку российские евреи были наиболее дискриминированным народом в империи, то их заинтересованность в экономических и социальных реформах была очевидной. Но проблема заключалась в том, что широкая эмансипация евреев была возможной только при условии национального проекта для русских, которого у Романовых, на наш взгляд, не оказалось.

Таким образом, в атмосфере имперского национализма Николая II либерализация государственной политики в еврейском вопросе была невозможной вплоть до крушения самодержавного режима. Однако взгляды многих государственных деятелей позднеимперской России сложно назвать антисемитскими. Например, П. А. Столыпин, ещё на посту Саратовского губернатора, заявлял, что «как русский человек я верен родному национализму, но я именно потому, что русский, не могу быть ненавистником инородцев, в том числе евреев. Это будет противно и нашей религии, и природе русского человека...»⁵⁶. 22 мая 1907 г. Столыпин через МВД провел циркуляр № 20, согласно которому на высшем правительственном уровне была предпринята ещё одна, после «циркуляра Макова» от 3 мая 1880 г., попытка упростить черту оседлости, то есть было принято решение приостановить выселения евреев, поселившихся вне черты оседлости на законном основании, но утратившим по каким-либо причинам это право⁵⁷. Впрочем, это не помешало местным властям выселить из Киева в 1910 г. более двух тысяч евреев, ограничить избирательные права евреев в сфере земского и городского управления, деятельность еврейских общественных организаций, и, наконец, в 1913 г. сфальсифицировать резонансное «дело Бейлиса». Фактически с декабря 1911 г. и вплоть до начала Первой мировой войны еврейский вопрос в российском правительстве не обсуждался. Проект отмены черты оседлости был похоронен в думской комиссии по неприкосновенности личности⁵⁸.

⁵⁵ Там же, с. 41.

⁵⁶ Миндлин, *Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы: справочник персоналий*, С. 302.

⁵⁷ Там же, С. 311–312.

⁵⁸ Энгель, *Либеральные тенденции в еврейской политике самодержавия конца XIX – начала XX века*, С. 61.

Политика модернизации позднеимперской России по своему характеру была неорганической (догоняющего типа), что не могло не отразиться на идейно-политических подходах в сфере урегулирования еврейского вопроса, которые отличались своей непоследовательностью и противоречивостью. Несмотря на определённые уступки в еврейском вопросе, в частности, предоставление евреям Царства Польского равноправия в 1862 г., российским евреям избирательных прав в 1905—1907 гг., попытки упразднения системы квотирования для поступления евреев в университеты в 1907—1908 гг., правительство всё же не решилось отменить институт черты оседлости евреев, которая, по сути, являлась средневековым феноменом еврейского гетто. Политика государственного антисемитизма была не только результатом усиления имперского патриотизма, религиозного мистицизма Романовых, но и реакцией царизма на заметную политическую и революционную деятельность евреев. Самодержавие последних Романовых оказалось заложником собственной политики модернизации. В стране назревали глубокие революционные сдвиги, в которых еврейский вопрос сыграл не последнюю роль.

The Jewish question in the politics of modernization of late Tsarist Russia

The article analyzes the Jewish question in the modernization policy of the Tsarist government in the second half of the 19th – early 20th century. The author is convinced that the Jewish question (the question of Jewish equality) was a topical issue at all three stages of the modernization policy. Thus, if in the period of the Great Reforms the Jewish question was considered through the prism of the political loyalty of the Jews to the autocratic regime of Alexander II, who was inclined to grant them equality, then in the second and third stages (1881–1911) the problem of Russian Jews was exacerbated by the rise of state anti-Semitism, which was an integral part of the ideology of imperial nationalism. Some attempts to solve the Jewish question were made at the beginning of the 20th century in the policies of V. K. Pleve, V. N. Kokovtsev, S. J. Witte, and P. A. Stolypin. However, against the background of the contradiction of the tsarist state policy towards the Jewish question in general and in the modernization period in particular, the hopes of Russian Jews for emancipation disappeared. Conclusions were drawn that the modernization policy was essentially inorganic, which could not fail to be reflected in ideological and political approaches to the Jewish question. Despite some concessions, such as granting equal rights to Jews in the Kingdom of Poland in 1862, to Russian Jews the right to vote in 1905–1907, and attempts to abolish quota system for Jewish academicians in 1907–1908, the government did not dare to abolish the institution of the Jewish settlement zone, which was essentially a form of medieval ghetto. The policy of state anti-Semitism was not

only a result of the Romanovs' strengthening of tsarist patriotism and religious mysticism, but also a reaction of the autocracy to the noticeable political and revolutionary activities of the Jews. According to the author, the autocracy of the last Romanovs proved to be hostage to its own modernization policy. The country was preparing for deep revolutionary changes, in which the Jewish question played an important role.